Продавщица 2.0.3

сказка

Анастасия
Соколова

Анастасия Соколова

Продавщица роз. Сказка

Соколова А.

Продавщица роз. Сказка / А. Соколова —

ISBN 978-5-44-855763-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Розы — самый красивый подарок. Продавцы предлагают разнообразие цветовых оттенков и сортов, создавая изящные букеты… У нее же есть только один сорт — кроваво-красные, на длинных черных стеблях. Букет готов, собран в простую прозрачную упаковку. Но тот, кому он предназначен в подарок, уже не будет прежним: ведь в ее розах скрывается тайна, способная перевернуть жизнь.

ISBN 978-5-44-855763-7

© Соколова А.

Содержание

Туман 7
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Продавщица роз
Сказка

Анастасия Соколова

Посвящается моей маме

Редактор Наталья Губская
Редактор Павел Губский
Дизайнер обложки Виктория Лан
Консультант Михаил Соколов
Идея обложки Анастасия Соколова

© Анастасия Соколова, 2018
© Виктория Лан, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5763-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Это возможно даже без магии – если забыть о том, что это невозможно.

В тумане мерцал слабый синий огонек, пульсирование которого совпадало с тиканьем механизма. Прошлое растворилось, потеряв предыдущие значения, четкость временной линии, а вместе с этим всякий смысл. Осталось то, что глубже сознания, способного различать прошлое и будущее: тот самый жесткий диск, с которого все началось. Основа не повредилась, как будто кто-то заблаговременно поместил ее в черный ящик. Казалось, теперь – лишенная воспоминаний, мыслей и впечатлений – она работала безупречно. Так и должно быть, когда созданы идеальные условия, чтобы не думать и не помнить.

Но что-то пошло не так.

Он понял: рядом кто-то есть.

«Ты знаешь, где я?» – услышал он свой голос – так, как позволяла разобранная мозаика сознания.

Голос того, кто отвечал, не прозвучал. Однако, ответ был понятен:

«В безопасности.»

«А где она?»

«Она…»

Помехи.

«Она…»

Помехи.

Туман – тяжелый, как металлическая пыль, и горький, как комок в горле, – вдруг начал рассеиваться.

«Она рядом? – спросил он беззвучно. – В безопасности?»

Никто не ответил.

Как будто снова оставшись один, окруженный вновь сгустившимся туманом, он спросил:

«Ты меня слышишь?»

Ответа не последовало. Пропал сигнал.

В тумане мерцал слабый синий огонек, пульсирование которого совпадало с тиканьем механизма. Были созданы идеальные условия, чтобы не думать и не помнить.

Но что-то пошло не так.

Туман

Тоска заполнит пустоту,
Погаснет свет в моем окне, —
Но ты пройдешь сквозь темноту,
Ты не забудешь обо мне

Октябрь что-то не договаривал: нахмурив небо, он постоянно менял направление ветра, прикосновения которого становились все холоднее. Не происходило ничего особенного, всего лишь приближалась зима, и ощущение ее неизбежности проникало внутрь все глубже с каждым глотком остывающего воздуха, зарождая тревожное предчувствие.

«Продолжайте движение», – громко сказал навигатор, как будто боясь, что Доктор уснет.

– С тобой уснешь, – недовольно ответил ему Доктор, зевая, держась за руль плывущей сквозь густой туман машины.

Туман. По дороге к ней он был всегда. Машина плыла между небом и землей, в заколдованном облаке.

Вдруг, как будто от чьего-то легкого дыхания, облако начало рассеиваться на небольшом участке дороги: там, где Изабелла ждала у своей машины.

«Вы достигли пункта назначения. Проложить новый маршрут?»

Доктор выключил навигатор и заглушил двигатель. Маршрут менялся каждый раз, уже много лет.

Сердце забилось быстрее: она улыбнулась, направившись к нему. Золотой огонек горел на ее груди: гладкая поверхность медальона будто забрала себе радостный свет фар его машины до того, как они были выключены. И медальон продолжал сиять, заменяя Доктору солнце, скрытое за плотностью тумана. Возможно, поэтому он почувствовал жар в области сердца, когда они обнялись, как обнимаются старые друзья.

Зачем черные длинные волосы Изабеллы собраны в косу? Распущенные, они развевались бы на ветру, распространяя по воздуху элемент, возможно, более важный, чем кислород: ее запах.

Как алкоголик, добравшийся до бутылки виски после месячного воздержания, Доктор сделал вдох – у ее шеи – и медленно выдохнул. Почувствовав, как теплеют кончики пальцев, он отстранился.

– Почему же вы не взяли с собой Анжелику? – спросила Изабелла, вглядываясь в его блестящие серые глаза.

– Так ты знаешь? – улыбнулся Доктор. – Она умоляла привезти ее сюда.

– Но вы ей ничего не рассказали обо мне?

– Ну что ты! Она знает только, что где-то в тайном месте растут эти розы, и никто не может их достать, кроме меня.

– Зачем же они ей понадобились? – прищурилась Изабелла, открывая багажник и доставая охапку красных цветов на длинных черных стеблях.

– Собирается подарить их человеку, у которого все есть, – пояснил Доктор.

Изабелла усмехнулась:

– Никогда не встречала таких.

– Ну как же? Так называют молодых, красивых и успешных.

– Не важно. Люди постоянно что-то ищут. А если они что-то ищут, – значит, у них чего-то нет. Это как игра в пятнашки: в коробочке есть место для шестнадцати фишек, но одной всегда не хватает – иначе невозможно движение.

Доктор посмотрел на нее с нежностью.

– Я страшно скучаю, – он обнял букет, собранный в прозрачную упаковку. – Но, почему-то, перестал видеть тебя даже во сне.

Он вздохнул.

– У тебя все хорошо?

– Все хорошо, Доктор!

Немного помолчав, Изабелла добавила:

– Возьмите букет бесплатно, если это для Анжелики.

– Не стоит, тебе ведь нужны деньги, – он протянул ей конверт, немного задержав в руке. – Из-за тумана у меня полное ощущение, что это сон.

Она пожала плечами:

– Это не сон. Но без тумана нельзя.

Изабелла обняла его и, спрятав конверт в карман пальто цвета горького шоколада, точно повторяющего цвет ее глаз, – направилась к своей машине.

– Да, кстати, – обернулась она, усаживаясь за руль, – Передайте Анжелике, что, кроме способности очень долго не вянуть, розы не обладают другими магическими свойствами.

– А с чего ты взяла, что она так думает? – Доктор сосредоточенно прищурился.

– Ваша дочь собирается подарить мужчине розы. Именно эти. По-моему, неспроста.

– Ей шестнадцать, – пожал он плечами. – В шестнадцать все влюбляются.

Изабелла завела двигатель.

– Конечно, – кивнула она в открытое окно. – Но, все же, будьте начеку.

Они помахали друг другу руками. Медальон вспыхнул на прощанье, будто отпуская плененный на несколько минут свет. Доктор смотрел вслед ее исчезнувшей машине, в надежде, что вдруг рассеется туман.

Но это было, как если бы он надеялся, что больше не наступит зима. Туман никогда не рассеивался до его возвращения в Город. Доктор не знал, куда исчезала Изабелла. Но он знал, что однажды все прояснится.

А пока – розы, ее запах и свет медальона, вспыхнувший в противотуманных фарах: вот все, что можно было забрать с собой. Он завел двигатель, включив навигатор.

«Направляйтесь на запад.»

***

Глеб открыл глаза. В стекло уснувшей во дворе машины стучали белые пальцы в кольцах из старого золота, принадлежавшие Светлане Олеговне, пожилой соседке с самого верхнего этажа.

– Доброе утро, Глеб! – недружелюбно поздоровалась Светлана Олеговна в медленно опускающееся стекло. – Это, в конце концов, неприлично: стоять во дворе целый час с работающим двигателем. Ты же из интеллигентной семьи, должен понимать, что это дурной тон!

– Простите, – ответил Глеб, виновато улыбнувшись. – Заснул, не успев выехать. Пока прогревал машину.

– Ну так выспись сначала, а потом садись за руль! – заключила Светлана Олеговна.

Направившись к двери подъезда, она задела плечом Анжелику.

– Доброе утро! – поздоровалась девушка.

– Доброе! – процедила Светлана Олеговна. – Я бы на твоем месте не надевала такую короткую юбку, когда на улице сыро и ветер. Куда только отец смотрит!

– Не ваше дело! – нахмурив брови, ответила Анжелика.

– Грубиянка! – возмутилась соседка.

Женщина скрылась за дверью, зарядившись бодростью осеннего утра.

Настроение Анжелики было бы испорчено, но все исправила улыбка Глеба, машущего ей рукой в открытое окно машины.

Длинные русые волосы Анжелики были художественно разбросаны по плечам, в руках она держала сумку, совсем не похожую на ту, в которой обычно носят учебники.

– Глеб! Здравствуй! Как хорошо начался день! – радостно воскликнула она. – Куда собрался в такую рань? Был сильный туман, ты видел?

– Здравствуй! – ответил он. – Не спал всю ночь. Сам не знаю, почему. Захотел проехаться, туман помешал. Заснул. Разозлил соседей!

– Это ерунда, она всегда недовольна, – улыбнулась Анжелика. – С тех пор, как мы переехали сюда, я ни разу не встречала ее в хорошем настроении. Лучше бы поздравила тебя с днем рождения. – Анжелика потянулась к его щеке, чтобы поцеловать. – Я поздравляю!

– Меня? – уклонился от ее поцелуя Глеб. – Черт возьми, я забыл. Спасибо. С сегодняшнего дня мне официально тридцать.

– Можно зайти к тебе в гости? Ты дома весь день? – спросила Анжелика, чувствуя, что ноги едва ли касаются земли – как всегда во время встречи с ним.

Глеб помолчал немного, пытаясь понять, что она задумала.

– Я не планировал отмечать.

– На секунду! У меня для тебя сюрприз, не терпится вручить. Сейчас не могу: его еще не привезли.

Он вздохнул.

– Ну, что ж, раз все так серьезно, заходи… часов в восемь.

– Смотри! – она достала из сумки книгу с названием «Механическое сердце». – Вчера купила! Прочла половину. Там хорошо все закончится?

Глеб улыбнулся.

– В моем понимании, да.

Анжелика нахмурилась.

– Это меня и беспокоит. Может, в моем понимании это не будет так хорошо, как в твоем. Может, не стоит и дочитывать? Не решила еще. – Она откинула обложку. – Подпиши, пожалуйста.

– Конечно! – он задумался. – Что же тебе написать?

– Что угодно! Для меня это будет бесценно!

– «Анжелике на добрую память» – нет, как-то по-стариковски. «Анжелике от всего сердца»! Нет… это же не подарок. Я должен был тебе ее подарить, – прости, не подумал…

Наконец, он написал: «Анжелика, все будет хорошо!».

Она прижала надпись к груди.

– Спасибо! До встречи!

– До встречи.

Девушка развернулась в сторону выхода из двора. Единственный учебник и одна тетрадь по всем предметам, которые она несла в маленькой сумке, служили прикрытием. Никто не должен был знать, что Анжелика умела перемещаться в более важную – Тайную – Вселенную, где не было школы, осени, ветра и Светланы Олеговны.

И сейчас соседи наблюдали, как она шла по тротуару, а легкие сухие листья кружили вокруг. Никто не знал, что осеннее утро было союзником девушки, создающим видимость ее присутствия в реальности каждый раз, когда ей это было нужно.

Она располагала лишь несколькими минутами по дороге в школу. Но в Тайной Вселенной минуты имели способность растягиваться в часы, замедляя почти до полной остановки все, происходящее в реальном мире. Тогда появлялась возможность закрывать глаза, чтобы, открыв их снова, оказываться по ту сторону октября.

Анжелика открыла глаза, уже не чувствуя прикосновения ветра.

Девушка шла по белому коридору, освещенному лампами дневного света. В ее глазах горели разноцветные огни приборных панелей и серо-голубых мониторов. Голос из книги, звучащий голосом Глеба, задавал один и тот же вопрос. И Анжелика отвечала: *«Я тебя слышу. Я слышу.»*

***

Девушка открыла глаза. На мониторе вырисовывалась кривая, мигало сердечко, ритмично пищал звуковой датчик. Походило на больницу. Она обвела помещение глазами: белые пол, потолок и стены. Рядом прибор – как он называется? – показывает, есть ли пульс. Свет приглушенный – как будто знали: она проснется, – и позаботились, чтобы освещение было комфортным. Как будто ждали.

Во рту пересохло, ноги и руки онемели. Попробовала пошевелиться – почувствовала, как множество иголок впилось в ее тело. Облизала губы и снова посмотрела на монитор сердечного прибора, будто в поисках ответов: кривая, сердечко, пик-пик-пик. Чего же она ждала? Как будто что-то еще могло отображаться…

«Ты меня слышишь?» – появилось на мониторе. Белым по синему – четко, тем же шрифтом, что знаки, обозначающие пульс. Одновременно прозвучал в голове и его голос.

Девушка резко вскочила, сев на кровати, заставив упасть держатель с капельницей. Раздался страшный грохот.

Она продолжала смотреть на монитор: не показалось.

Девушка протянула руку, провела пальцем по надписи, от первого знака до последнего – и обратно.

– Ты проснулась? – услышала она женский голос и обернулась.

Женщина в белом халате подошла к монитору, по которому ползла кривая, изображающая сердечный ритм, и мигало сердечко. Надпись исчезла.

Вернув держатель капельницы в вертикальное положение, она потрогала лоб девушки тыльной стороной ладони. Присев на кровать рядом, спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

Девушка смотрела на нее несколько секунд, словно пыталась разглядеть каждую черту: глаза карие, волосы русые, – видимо, длинные, но собраны в пучок. Черты правильные, лет сорок. Красивая, но чужая.

– Меня зовут Анна, – сказала она. – Расскажи, что ты помнишь?

Девушка не спешила с ответом. Она снова посмотрела на монитор, с которого исчезли слова. Анна взяла ее за руку и произнесла:

– Не бойся: говори, что хочешь. Спрашивай обо всем.

Девушка снова внимательно посмотрела на нее: пыталась вспомнить, но не могла.

– Не терзай себя, – будто прочитав ее мысли, сказала Анна. – Мы не были знакомы раньше.

Девушка, наконец, глубоко вздохнула и потерла глаза.

– Свое имя помнишь? – спросила Анна.

– Да. Меня зовут Кристина.

Анна кивнула, положив руку ей на плечо.

– Что еще помнишь?

– Я помню Алекса. Его голос звучит в моей голове. Он умер?

Анна посмотрела на нее несколько секунд, поправив очки.

– Звучит? Как воспоминание? – спросила она, прищурившись

– Нет, он со мной разговаривает. Я сошла с ума? – спросила Кристина.

– Не думаю, – покачала головой Анна, – Просто он не говорит… голосом. Ни с кем!

– Анна, так он жив? Что происходит? Где я? В больнице?

– Не понимаю, почему она так внезапно проснулась! – перебил ее голос вошедшего в комнату седого мужчины, одетого в белый халат, как и Анна.

– С дозировкой было все в порядке, – поспешила его успокоить та. – Кристина проснулась внезапно.

– И, все же, она вскочила, как ужаленная! – пожал плечами человек в белом. – Почему? Мы создали максимально комфортную обстановку.

– Но ведь у подобных ситуаций не бывает четких прогнозов, Капитан, – Анна встала с кровати.

Он внимательно посмотрел на Кристину. Оглянувшись, направился к тумбочке, из которой достал медицинский молоток, которым неврологи проверяют рефлексы. Стукнул ей несколько раз по коленям, от чего они дернулись, – и одобрительно кивнул. Посветил фонариком в глаза.

Анна наблюдала за его действиями, скрестив руки на груди. Когда он закончил, спросила:

– Ну что, каково ваше заключение? Она в порядке?

– Все хорошо, – ответил Капитан, пряча фонарик в нагрудный карман. – По крайней мере, с телом.

Он сел на край кровати, где недавно сидела Анна.

– Двигательную активность мы еще проверим, – добавил он. – Из комы так не выходят. Но у нас тут все не по учебникам. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Пока не понятно, – ответила Кристина.

– Почему ты проснулась? – спросил Капитан, внимательно всматриваясь в ее серые глаза.

– Его голос меня разбудил. Он звучал в моей голове. Потом я увидела надпись на этом мониторе, – она указала рукой на сердечный прибор. – «Ты меня слышишь?» – так было написано, и то же самое он произнес.

Капитан кивал головой, вскидывая брови. Он смотрел куда-то в пустоту, щурясь, будто пытаясь сконцентрироваться на чем-то.

– Где мы, Капитан? – спросила Кристина, прервав его размышления.

– В космосе, – ответил он, как будто ответ был само собой разумеющимся. – На станции «Ноль».

Кристина поставила ноги на пол, пытаясь встать. Анна и Капитан взяли ее под руки, помогая выйти из комнаты с тусклым освещением, за пределами которой находился белый коридор с дневным светом. На стенах разноцветными огнями горели приборные панели и мерцали серо-голубые мониторы, – а в конце, в иллюминаторе, – виднелась круглая, сияющая звездами чернота. И звезды были не такими, какими казались с Земли: маленькими сказочными точками, обреченными исчезнуть на рассвете. Нет. Здесь раскрывались их холодность и необратимость, устремленные в бесконечность ночи. Земля вдруг стала лишь далеким воспоминанием, 3D-изображением, медленно движущимся по ту сторону реальности, которая теперь ограничивалась для Кристины пределами Станции.

Оторвавшись от вида из окна, Кристина повернулась к Капитану и Анне, спросив:

– Так как же я оказалась в космосе? Вы спрашивали, что я помню. Этого точно нет в моей памяти. Вы – есть, – кивнула она Капитану.

Казалось, космос нисколько ее не впечатлил. Было нечто единственно важное – гораздо большее, чем космос.

– Ууу… – протянул Капитан, доставая из кармана фляжку. – Это долгая история. Пойдем, тебе нужно поесть. – Он сделал большой глоток и улыбнулся. – Так ты его слышишь?

– Капитан, – умоляюще посмотрела на него Кристина, – скажите мне только одно: Алекс не умер?

– Умер он или нет, ты скоро решишь сама, – сказал Капитан. – Пойдем.

Автоматические двери кухни плавно раздвинулась. Внутри все так же было белым и чистым, – а о том, что кухня находилась в космической станции, говорило лишь звездное изображение в круге иллюминатора.

На небольшом столе уже была приготовлена еда и два прибора. Кристина села за стол и посмотрела на содержимое тарелок, как будто видела эти блюда первый раз в жизни.

– Брокколи и картофельное пюре, – улыбнулся Капитан, усаживаясь рядом. – Наверняка, ты ела такое раньше. Анна запрограммировала кухонную технику на приготовление этого блюда на случай, если ты проснешься. Для первого нормального приема пищи – лучший вариант. Прикорм младенцев начинают с чего-то подобного.

– Еда меня сейчас не сильно интересует, – ответила Кристина, переводя взгляд на Капитана. – Вы сказали, что умер он или нет, зависит от меня. Как это?

Капитан наколол на вилку брокколи из своей тарелки и обмакнул в соус.

– У тебя есть выбор, – произнес он, вертя вилку в руке. – Признаться, нам нелегко было добиться возможности выбора, – но Министерство обороны пошло на встречу в этом вопросе. Ситуация беспрецедентная, – как, впрочем, и все, что происходит на станции «Ноль». Если ты помнишь «Матрицу», то знаешь: выбрать можно только один раз. – Капитан положил брокколи обратно в тарелку. – Я хорошо понимаю, что от человека, только что вышедшего из десятилетней комы, нельзя требовать принятия таких решений. И я никогда не поступил бы так в обычных обстоятельствах. Видишь ли, – произнес он, накалывая вилкой Кристины брокколи из ее тарелки, вкладывая столовый прибор в ее руку, – Ешь, – улыбнулся он. – Видишь ли, у всех, кто находится на станции «Ноль», есть свидетельства о смерти – там, на Земле. У всех, а это: я, Анна и Алекс. Мы все мертвы – там, в реальном мире. Каждый, кто находится на Станции постоянно, не имеет права вернуться на Землю. Это было основным условием Министерства обороны. Ты пока еще жива. У тебя есть время до завтра, подумай: ты можешь вернуться домой, начать жизнь заново. Там у тебя будет нормальная семья, работа и вполне нормальное будущее. Друзья, путешествия, карьера. Дети, в конце концов! – он потер глаза руками. – Боже, я так скучаю по машине! – Капитан сделал глоток из фляжки. – У тебя будет все это. Есть только одно «но»: на Земле Алекс мертв.

– Это как же? – спросила Кристина, не притронувшись к вилке.

– Об этом позже, – моргнул Капитан, облокотившись о стол. – Ты можешь сделать другой выбор: остаться здесь, где есть Алекс. Он действительно умер, – но нашел способ вернуться. Возможно, из-за тебя.

– Конечно, я останусь здесь! – воскликнула Кристина, вскочив со стула, уронив вилку на пол. – Скорее ведите меня к нему!

– Присядь, пожалуйста, – спокойно произнес Капитан, указывая на стул.

Кристина медленно вернулась на место. Капитан налил в стакан воду и подвинул в ее сторону. Кристина медленно выпила все, до дна.

– Ты можешь остаться здесь, – продолжил Капитан. – И тогда тебе придется подписать договор с Министерством обороны, по которому запрещается возвращаться на Землю – как персоне, посвященной в главную тайну современности. Даже если ты найдешь способ сбежать на какой-нибудь невозможной космической шлюпке, – тебя ликвидируют. Я бы никогда не согласился на такие условия, если бы от этого не зависело дальнейшее существование Алекса. Я его отец, это мой очевидный выбор. Но ты – другое дело. Решай. Есть возможность стать свободной.

«Я сам хочу все ей объяснить,» – появилась надпись на столе.

Кристина удивленно подняла брови, а Капитан поморщился, провел пальцем по столу – и набрал текст на клавиатуре, появившейся на глянцевой поверхности.

И, несколько секунд спустя, прибавил:

– Да, почти все поверхности внутри станции – сенсорные мониторы.

Кристина встала и подошла к иллюминатору, будто пытаясь сделать глоток свежего воздуха. Она смотрела в свое отражение, вспоминая, как когда-то видела его в глазах Алекса. Ее же глаза отражали блеск звезд, холодных и необратимых, устремленных в бесконечность ночи…

В тишине коридора послышались тиканье и тихие шаги. Капитан встал, направившись к двери. Обернувшись, он посмотрел на Кристину и сказал:

– У тебя есть сутки, чтобы принять решение. Подумай хорошо: в жизни многое можно исправить, но бывают необратимые процессы. И это как раз такой случай.

***

– С днем рожденья! – и Глеб проснулся.

– С днем рожденья, сынок! – повторил Профессор, присаживаясь рядом.

– Зачем ты меня разбудил, – пробурчал Глеб, зевая. – Я видел интересный сон.

Вскинув левую бровь и немного помолчав, Профессор ответил:

– Прости, Алиса, что вытащил из Зазеркалья. Твой единственный не воображаемый друг пришел поздравить тебя в этот особенный день. – Одернув занавеску, Профессор добавил: – Уже, кстати, вечер. Ты умудрился проспать до темноты. А маленьким девочкам это не рекомендуется – говорят, будет болеть голова.

Немного помолчав, глядя, как Глеб пытается окончательно проснуться, Профессор добавил:

– И что же там было, в твоем сне? Шалтай-Болтай, Белый Кролик? Я там был? Хотя бы в виде Чеширского кота?

Глеб, наконец, улыбнулся.

– Ты почти угадал: там была кошка.

– Просто кошка?

– Не просто, конечно. Черная, смотрит на меня. Как будто хочет что-то рассказать, но каждый раз на этом месте я просыпаюсь. Ты сказал – Алиса? – Глеб вдруг сосредоточенно прищурился: – Эта кошка снится мне уже несколько лет. Она почему-то не выходит у меня из головы. – он внимательно посмотрел на отца. – У нас никогда не было кошки?

– Нет, – покачал головой Профессор. – Но это отличная идея: завести черную кошку. Эти белые стены меня угнетают! И мебель белая. У тебя вообще есть вкус? – он задумчиво потер подбородок. – Давно пора сделать ремонт и покрасить все здесь в цвета радуги!

– А ты знаешь, что радуга – международный символ нетрадиционной сексуальной ориентации?

– Да лучше бы ты был нетрадиционной ориентации! – Профессор упал в белое кресло, скрестив ноги и раскинув руки на подлокотники. – Тогда бы я знал, что у тебя хотя бы есть сексуальная ориентация!

– Ой, все, достал! – поморщился Глеб. – Просто я – натурал-одиночка. И чем *ты* меня лучше?!

Профессор улыбнулся.

– Все мои краски – в книгах, которые пишу, – продолжал объяснять Глеб. – Ты читал хоть одну?

– Да, новую, – Профессор закатил глаза в потолок, как бы пытаясь вспомнить краски из книги. – Она вся черно-белая! – махнул он рукой. – Только иногда мелькают какие-то огоньки. – Он постучал пальцами по подлокотнику. – Ну скажи, зачем тебе белое кресло? Белое! На него дышать страшно, – не то, что пользоваться!

– Да кто всем пользуется, кроме нас с тобой? – махнул рукой Глеб. – Не приходит в голову, какого еще цвета может быть эта квартира. У всех свои странности! Вот зеркало в ванной, например: каждый раз, когда запотевает, появляется надпись: «У нас все хорошо». Даже когда домработница его протирает. Есть в этом какая-то магия. Или чертовщина. И ты так и не признался, что это *ты* написал.

Профессор замолчал на несколько секунд.

– Говоришь, так и появляется? – переспросил он. – До сих пор?

– Да, представь, – ответил Глеб.

– Надеюсь, надпись не утратила своего значения, – кивнул головой Профессор, глядя куда-то в пустоту.

– Папа! – подошел к нему Глеб. – И меня еще упрекаешь в странностях. – Глеб потряс его за плечи. – Ну что, будем отмечать?

– Будем! – вернувшись из глубины своих мыслей, воскликнул Профессор.

Вечер уже обрел стеклянную прозрачность, когда Профессор торжественно разливал виски в стаканы со льдом.

– Сынок, – начал он поздравительную речь, – Сегодня тебе исполнилось тридцать лет. Моя бабушка говорила, что тридцать – это такой возраст, когда жизнь начинает идти на спад. Все, что могло быть хорошего, уже случилось. Дальше остается только беречь себя, следить за здоровьем, – ведь в большинстве случаев к этому возрасту организм уже выполняет свои репродуктивные функции, и запускается процесс самоликвидации. Начинаются проблемы с давлением, головные боли, сдает щитовидная железа, – а дальше тахикардия, бессонница и импотенция.

Глеб выпил содержимое стакана залпом, не чокаясь.

– Спасибо, отец, – сказал он, – У тебя очень правильные тосты: после них всегда хочется выпить.

Профессор засмеялся, и морщины засияли в уголках его глаз.

– Я просто хочу объяснить: ты не ценишь то, что имеешь. К тридцати добился успеха. Для чего успех, если в свой день рожденья все так же пьешь виски на кухне со своим папашей? Нужно было устроить бешеную вечеринку, выбрать самую красивую поклонницу, и прямо из клуба улететь с ней на море! Или хотя бы приехать сюда. И меня не приглашать. – Профессор постучал пальцами по столу. – Про тебя, кстати, пишут, что ты ни разу не был замечен с девушкой.

– Ты тоже.

– А что с меня возьмешь? – усмехнулся Профессор. – Я – старый отец-одиночка. Дети – всегда помеха для новых отношений.

– Я думал, это до тех пор, пока им нужно менять подгузники.

– Нет. Это до тех пор, пока дети не вырастут! Хочу только сказать, что не согласен со своей бабушкой: когда тебе будет пятьдесят четыре, поймешь, что тридцать – неплохой возраст. Пользуйся!

Профессор разлил по стаканам очередную порцию виски.

– А мы есть сегодня будем? – спросил он.

– Я не заказывал, как-то забыл, – виновато ответил Глеб.

– Придется посмотреть, что у тебя в холодильнике, – произнес Профессор, решительно встав и открыв дверцу.

– А вот и ответ! – произнес он через несколько секунд, внимательно изучив пустые полки. – Теперь понятно, почему тебе снятся кошмары: черные кошки тут ни при чем. Это от голода! Даже сыра нет! Виски на пустой желудок – да здравствует гастрит, за ним язва! От голода мозг не получает питание, – вот он и подает сигналы, что нужно поесть!

– Кошатину? – поморщился Глеб.

– Ну… это вряд ли, – улыбнулся Профессор. – Жаль, что жить с отцом в тридцать считается странным: по вечерам я хотя бы пиццу заказываю, ты бы не голодал. Хотя, обычно в свой день рожденья даже не совсем вменяемые писатели-холостяки готовят угощение.

Помолчав немного, Профессор добавил:

– Во времена, когда мы ели одну картошку, ты и то был килограммов на десять больше.

– Когда это мы ели одну картошку? – Глеб удивленно приподнял одну бровь.

Профессор махнул рукой, захлопнув дверцу холодильника. Глеб выпил до дна, отставил стакан и подошел к окну. Он ожидал увидеть сквозь темноту нечеткие очертания верхушек деревьев, которые слегка покачивает ветер, – но, вместо этого, с удивлением обнаружил, что все замерло, как будто и деревья, и воздух ждали чего-то.

– Мою жизнь словно кто-то когда-то поставил на паузу, – сказал Глеб, глядя в свои глаза, отраженные в вечернем оконном стекле. – И все, что происходит – не имеет смысла: я то ли в замкнутом круге, то ли в бесконечности. А ты – призрак из прошлого, говорящий со мной, чтобы я не сошел с ума.

– Призраки не пьют виски, – ответил Профессор, сделав глоток. – И не ворчат. По этой причине можешь не сомневаться, что я жив-здоров, – только голоден. Давай хоть еду закажем.

Он снова сделал глоток.

– Знаешь, в конце концов, бесконечность – не так уж плохо, – рассуждал Профессор. – В бесконечности происходят интересные вещи: время обретает другое значение, параллельные пересекаются. Привычные законы физики не действуют!

Глеб обернулся, и Профессор заметил, что темнота осеннего вечера сконцентрировалась в его глазах.

– Неужели это будет длиться вечно? – спросил Глеб.

Профессор покачал головой, отодвигая белый стул, приглашая сына снова сесть.

– У меня новый тост, – сказал он. – Если кто-то поставил твою жизнь на паузу, желаю, чтобы нашелся кто-нибудь, кто нажмет на Play.

Глеб улыбнулся, возвращаясь за стол.

– Знать бы, где эта кнопка, – ответил он, поднимая стакан.

– И кнопка пусть найдется, – улыбнулся Профессор.

– И никаких черных кошек! – добавил Глеб.

Профессор одобрительно кивнул. Они поднесли стаканы к губам, сделали глоток, – и в этот момент в дверь позвонили.

Кто-то нажал на кнопку.

Мужчины замерли на мгновение, – и, вдруг, Глеб схватился за голову.

– Это Анжелика! – сказал он, понимая, что совершенно забыл об их договоренности.

– Значит, Анжелика? – улыбнулся Профессор. – Которая недавно переехала сюда с отцом? Поклонница, вычислившая твой адрес?

– Не беспокойся, папа, – покачал головой Глеб. – Ей шестнадцать! Думаю, мне ничего не угрожает. Нужно было хотя бы ей пирожные купить…

– Да она почти в дочери тебе годится, – проворчал Профессор, разливая виски.

– Купила мою новую книгу, – сказал Глеб, направляясь к двери. – У нее есть они все. Договорились, что зайдет сегодня поздравить, – приготовила какой-то сюрприз.

– И книжки его нравятся детям, – пробормотал Профессор, поднося стакан к губам.

Глеб направился к двери, ощущая, как ход времени постепенно стал замедляться. Он принял это за терапевтический эффект виски, не зная, что так всегда происходит перед открытием портала в прошлое, который иногда маскируется под обычную входную дверь. Она открывается стандартным ключом, делающим привычных два оборота против часовой стрелки, – когда владелец ключа и не подозревает, что само время в этот момент начинает течь по-другому.

Дверь впустила в прихожую легкий запах табака, смешанный с осенними листьями, – а где-то рядом рассыпали ваниль и черный перец.

Глеб сделал вдох, и на мгновение все замерло – на изнанке вселенной, где он внезапно оказался. Там, на другой стороне, осталась бесконечность, наполненная тяжелым туманом, в которой можно было только закрыть глаза и не дышать – в ожидании. Никто не обещал, что когда-нибудь все изменится, и некому было задать вопрос: «Сколько еще осталось?» И за секунду до того, как он поверил окончательно в эту безысходность, кто-то невидимый – почти наверняка несуществующий – нажал на кнопку. Хотя лицо гостьи было скрыто вуалью, сотканной из самых плотных остатков тумана, – без сомнения, это была она. Аромат из прошлого, когда-то смешанный с ночной прохладой, вдруг обнял его за плечи, как самый теплый плед. И, сделав вдох, он, наконец, услышал:

– Пожалуйста, больше не исчезай.

Как игла касается пластинки, ее голос коснулся его сердца, – и снова зазвучала эта музыка. Теперь, надежно спрятанную в тайном хранилище сознания, больше никто не сможет удалить эту запись.

Она существует.

Она настоящая.

Тумана нет. Больше нет.

***

Сквозь шум дождя пробивался сигнал: «47.227597, 39.733923 – пункт назначения. 47.2213841, 39.7273881 – текущее местоположение. Ошибка. Заблокировать. Переход в ждущий режим.»

Прежде, чем открыть глаза, Алекс дотянулся до очков на тумбочке и надел их. «Treelogic TL-501 4Gb – текущее местоположение 47.2213841, 39.7273881, E110 1998 в ждущем режиме».

Именно в этот момент он впервые услышал бы ее голос, если бы тогда мог распознавать человеческие мысли так же четко, как радиосигналы приборов. «Только не это, только не это!» – повторяла она, безуспешно пытаясь отстегнуть ремень и открыть дверь или окно. Словно во сне, закричать не получалось, машина не выпускала ее, продолжая тонуть в самом центре заколдованной черной воронки, образованной все усиливающимся ливнем.

Наконец, отстегнув ремень, она начала поочередно выдергивать кнопки замков, но ни одна не слушалась. В отчаянии запрокинув ноги, колотила по стеклам, – но мягкая подошва из каучука никак не давала им разбиться.

В тот момент, когда ее ужас достиг своего пика, став громче шума дождя и ярче вспышек молний, она закрыла глаза и закричала:

– Помогите!

Уронив голову на колени и разрыдавшись, она не услышала, как щелкнули замки, – и вздрогнула, когда холодная вода вдруг коснулась ее ног.

– Не бойся, – сказал Алекс, положив руку ей на плечо. – Сейчас не сможешь уехать, – машина утонула. Ливень прекратится только к утру.

Она подняла голову, когда вспышка молнии осветила на мгновение его лицо, – и оно навсегда осталось в памяти, будто это была вспышка фотоаппарата, встроенного в ее глаза. Солнцезащитные очки – зеркальные, в которых можно было видеть лишь свое отражение, – наполовину скрывали правильные черты молодого лица, которые слегка искажались, когда он говорил, – и она пока не могла понять, почему. Это притягивало взгляд, – и, благодаря мгновенно возникшему притяжению, позволило не испугаться, доверившись ему.

Алекс так же ярко увидел ее лицо в этой вспышке, с удивлением обнаружив, что перед ним – девушка: с по-мальчишески короткой стрижкой, одетая в потертые джинсы и куртку, размера на два больше, чем подошло бы ее тонкой фигуре. Бледность лица и губ только подчеркивала ее девичью красоту, так ярко контрастирующую с нелепой одеждой.

– Прости, я вряд ли смогу помочь тебе дойти, – его голос проникал в нее, согревая и успокаивая, как теплое красное вино. – Придется намочить ноги, лужа глубокая. Но ты заглохла прямо перед моим домом – заходи, там есть горячий душ и чай.

Она вышла, утонув почти до колен в бурлящей воде, и увидела, что он, обутый в высокие резиновые сапоги, стоит, опираясь правой рукой о трость.

Дверь машины захлопнулась, замки сами закрылись, а ключ остался в зажигании.

– Никто ее не откроет, – улыбнулся юноша, медленно продвигаясь к входной двери, пронзая тростью мутную бурлящую воду.

Как только дверь его дома закрылась, ливень потерял свою темную силу, – и все, что произошло до этого момента, исчезло в черной воронке навсегда.

– Меня зовут Алекс, – сказал он, усаживаясь на стул в прихожей, снимая сапоги. – А тебя?

– Кристина, – ответила она, замечая, как все тело начинает дрожать.

– На нашей улице проблема с водостоками, и даже небольшой дождь превращается в потоп, – он встал, опираясь о стену. – Душ прямо по курсу. Голубое полотенце чистое, а в шкафу рядом можешь взять халат.

Когда Кристина вышла из душа, на кухне ее уже ждали горячий чай и булочки. Алекс пригласил ее сесть, раскладывая щипцами сахар по чашкам.

– Я раньше не встречал девушек, которым так идут короткие стрижки, – сказал он, улыбаясь.

– А я раньше не встречала парней, которые ночью ходят в солнцезащитных очках, – сказала она, улыбаясь в ответ.

Он усмехнулся, размешивая сахар, звеня ложкой о края чашки.

– Ну, это вынужденная мера. Если света слишком много, моим глазам становится нестерпимо больно.

Сказав это, он сделал паузу, подвигая к гостье тарелку с угощением.

– Что с тобой? – спросила она.

– Мне, как кошке в темноте, хватает даже слабого света, чтобы видеть. Если включаются фонари – приходится закрывать глаза, это невыносимо. Очки стабилизируют освещение, и глазам не приходится долго привыкать к его изменению.

Она снова внимательно посмотрела на свое отражение.

– Значит, вот почему на этой улице не горит ни один фонарь?

Он кивнул.

– А что с ногой? – спросила Кристина, делая горячий глоток.

– Не с ногой, а со всей правой стороной. – криво усмехнулся он, постукивая пальцем по виску. – У меня в голове – жемчужина. В последнее время она стала увеличиваться в размерах, от чего мне все сложней управлять правой стороной тела.

Чашка застыла в ее руке, и Кристина не заметила, как чай начал выливаться на стол.

– Как – жемчужина? – медленно произнесла она. – В голове?

Кристина чувствовала, как все глубже проникает в нее взгляд сквозь очки, но не отводила глаза, будто пытаясь разглядеть, что было под отражающими стеклами.

– Жемчужина – не в прямом смысле, конечно, – улыбнулся он. – Так мой отец называет необычное образование в мозге, с которым я родился. Скорее всего, это микроскопический кусочек кости, – которому там совсем не место, – и вокруг него с годами наросла оболочка. Никто не может точно сказать, из какого материала она состоит, но отец предполагает, что это

генетическое нарушение метаболизма железа в моем организме, в результате которого его избыток начал скапливаться вокруг этой косточки. Точно можно узнать, лишь вскрыв мне череп, – а мой отец, хоть и нейрохирург, не желает рисковать и делать это. Но я точно знаю, что ему очень любопытно. Не будь я его сыном, он давно бы сделал мне трепанацию.

Кристина вскрикнула, почувствовав, как горячий чай выливается ей на колени из кружки, которую она слишком сильно наклонила, держа в руке.

– Черт! – крикнула она, вскакивая. – И халат твой испачкала. Прости! Но эта история с жемчужиной в голове…

– Все в порядке, – поспешил успокоить ее Алекс, вставая, чтобы подать ей полотенце, опираясь о стол.

– Так ты живешь с этой штукой в голове, она тебе мешает, и ничего нельзя сделать? – снова усаживаясь, сказала Кристина.

Алекс осторожно опустился на стул.

– Отец говорит: не важно, какие у тебя карты, – важно, как ты их разыграешь. Есть и плюсы в моей истории: это не простое образование. Это – уникальный передатчик. С его помощью я способен создавать и контролировать каналы передачи данных, степень защиты которых пока ничто не смогло превзойти. Сигналы, которые я передаю приборам и которые получаю от них по моим собственным каналам, невозможно перехватить. Скорее всего, причина тому – органическое происхождение моего передатчика. Я – живое радио, радар, маяк, приемник. Обычно я инициирую связь с приборами и перехватываю сигнал. А сегодня первый раз приборы сами со мной связались: твой навигатор и бортовой компьютер. Они разбудили меня. Куда ты ехала в такую ночь?

Кристина посмотрела в окно – на вспышки молний, яркость которых приглушали плотные шторы.

– Хотела убежать из дома. Теперь мне там не место.

– Что-то случилось?

– Да. Мама долго болела, а неделю назад умерла. Я надеялась, что, если буду с ней рядом, как могу, она выживет, – но это не помогло. Даже волосы обрезала, как она. Но теперь ее нет, а я осталась. Мои волосы отрастут снова, но в этом нет ничего радостного. Даже, если бы я согласилась ходить лысой всю жизнь, она бы не выжила. Все зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.